Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбирается въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіяньского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 12. Львовъ, 16 Березня 1856. РОКЪ IX.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ концемъ сего мѣсяца окончится первое четверторочіе изданія Зори Галицкои; про тое упрашаемъ всѣхъ всеч. читателей нашихъ о ласкавое надосланіе предплаты.

ЧЕРНЕЦЪ – ОПОКА.

(конецъ).

II.

Въ Закопаню надъ потокомъ
Стоитъ хижа, ей подъ бокомъ
Березочка спохилена
Въ хижи матерь зажурена.
Вызирае свого дѣда.
Довѣдуесь у сосѣда;
Ходитъ матенька сама
Нема дѣда та нема.
Вся ослабла старовина
Отъ! погасне леда днина.

Гдежь бы старикъ могъ залѣзти?
Рознеслися дивны вѣсти:
Гдесь выдано тамъ чернца,
Що вбилъ родного отца,
Й въ розкаяню за отцемъ,
Зъ гайдамахи сталъ чернцемъ.

Шумятъ вербы крачутъ круки
Плаче баба, плачутъ внуки,
Ажь ту въ свято на Николы
Ктось надходитъ отъ стодолы —
Чорна свита и каптуръ,
Сперши руку о костуръ,
Чернецъ лѣзе ко хижинѣ.
Зайшло солнце въ хмары синьи,
Вступилъ чернецъ и до хаты
Сидитъ въ хатѣ стара мати.

„Матенонько! возмѣтъ въ руку
Сью кровавую саблюку;
Посѣчѣтъ мя въ дробный макъ,
Най не буде по мнѣ знакъ,
Лишь простѣтъ! я несчастливъ
Родного отца убилъ."

На дворѣ ударилъ громъ,
Стало страшно лячно всѣмъ,
Стара омаль не омлѣла,
Вся мовь хуста побѣлѣла —
Поступившись до порога
Такъ озвалася небога;
„Скаменѣлъ бысь! рекла мати,
Було людей нерубати,
Теперь я тя проклину
За твою злочинь страшну.
Богдай не спочилъ есь въ гробѣ
Носилъ колько ранъ на собѣ,
Колько на отцевомъ тѣлѣ
Твои груди скаменѣлы
Богдай доти ихъ носили,
Докибъ дощи ихъ не змыли."
А чернцю на клятвы голосъ
Росте въ гору долгій волосъ
Якъ бы студень нимсь прояла
Такъ ужасно клятва спала

Потемнѣла ясна днина,
Та проклѧла мати сына.
Выйшолъ чернецъ изъ свѣтлицы
Ни тамъ солнца ни зорницы
Темно до окола всюгды
Ще темнѣйше ему въ груди.
Зашумѣли лѣсы боры,
Въ черпца сердцу тяжке горе:
Нѣтъ ему вже опрощенья
Сли проклѧла родна неня.

Зовялъ яворъ середъ нивъ
Полѣзъ свѣтомъ несчастливъ,
Отъ заледвы ще при силѣ,
Та полѣзъ ажь ко могилѣ
Где поставилъ крестъ дубовый.
Спалъ на него сонъ моровый;
Та ще закимъ прійшолъ сконъ.
Емусь приснилъ страшный сонъ.
Отецъ станулъ передъ нимъ
Съ лицемъ, съ глипомъ престрашнымъ
Оказалъ глубоки раны
Кровію шматье покаляне,
Скривилъ уста, сморщилъ бровь,
Двигнулъ съ грозьбою руковь —
Й щезъ зайшолся весь пѣною.
Скулятъ волцы дубровою,
Вже о полночь куры піютъ,
Чернцу ноги каменѣютъ.
Ялась нимъ гробова студь
Каменѣе вже и грудь,
Головонька скаменѣла,
Станулъ камень зъ всего тѣла
Й зъ розкаянного инока
Вознеслась тверда опока;
Съ каптуромъ на самомъ щитѣ
На ней раны всѣ отрыты
Ранъ семнацать на опоцѣ
По шесть ранъ на кождомъ боцѣ
Пять глубокихъ мовь на груди:
Такъ рѣшили Божи суды,
А страшенна клятвы сила
Съ человѣка щель сробила.

*
* *

Въ Закопаню ще до нынѣ
Стоитъ предивна опока,
Въ той опоцѣ въ серединѣ
Покутуе духъ инока,
Доколь силенъ дощъ не стане
Не сполоче усѣ раны.

Е. Згарскій.

О СУЕВѢРІЮ МОРЛАХОВЪ.

Дивне есть дѣло, що каждый народъ, котораго свѣтло цивилизаціи не озарило къ высшомȣ позрѣнію на окрȣжающіи его вещи, мае свои ꙗкъ мовлѧтъ образованны сȣевѣрїѧ. Преимȣщественно оу насъ славѧновъ поѧвлѧесѧ оное въ многобарвныхъ, мѧчливыхъ образцахъ: е то оувѣренность въ сȣществованье чаровницъ, опыровъ, хованцевъ, корожвы и прочихъ смысленыхъ естествъ. Оувѣреніе тое видитсѧ въ правдѣ смѣшнымъ каждомȣ оученомȣ, напахавшомȣсѧ пороховъ фоліантовыхъ, но заглѧнȣвши въ причинȣ оного, пресвѣдчитисѧ можь легко, що ничь не оудержȣесь въ народѣ не имѣюче за основȣ сȣществȣючой истины.

Основна гадка производѧща такъ многіи мѧчливыи виды сȣевѣрїѧ, есть оу каждого народа одна и тѧ самаѧ такъ, ꙗкъ въ отвлеченномъ смыслѣ одно видитсѧ быти человѣкȣ непристȣпное таинство, одна творчаѧ сила природы. Поѧвлѧесѧ она въ меншомъ или больщомъ количествѣ образцевъ, послѣ оусποсобленіѧ народного характерȣ, или послѣ природно-религійныхъ вліѧній; а положена есть внȣтрь и внѣ человѣка.

Ꙗко заключенна во внȣтрію человѣка, ꙗвлѧесѧ она чȣвствомъ страханіѧ, принȣждающимъ все тое, що лишь посредствомъ вещества ꙗкоесь непонѧтное впечатлѣніе на дȣшѣ его сдѣлае, почитовати за щось высшого, надъестоественного, а по слѣдстві-

ахъ за доброе или злое. Оживленна въ томъ направленїю разъ фантазїя, творитъ и осуществляе скоро клїятелны естества тамъ, где розумъ въ якимсь явленїю или приключенїю не можетъ оправдатися. Внутренне чувство страханїя производится и удержуесь внѣшними влїянїями природы, до которой человѣкъ яко и до прочихъ сотворѣнїй стоитъ въ правильномъ отношенїю, примѣренномъ къ цѣли усовершающогося существованья. Тому то и старинны народы, о которыхъ намъ письма подаютъ извѣстїя утворили собѣ на той двоякой тѣсно совокупляющойся принцѣ мидологїю, котора полагаючи на ложной вѣрѣ не была ничь иннымъ, якъ только суевѣрїемъ. Всемогуща сила вѣры имѣюча глубокїй корень свой въ совѣсти человѣчой недуги сопротивъ величественнымъ происшествїямъ въ природѣ, не требуе пресвѣдченїя (?) бо нѣтъ въ томъ вѣры, который о доказательства пытае (?) вѣра пересажае горы, остановляе воды. Вѣрити лишь можь въ тое о чемъ пресвѣдчитися наочно не возможно, бо если о чемсь наочно или смыслово пресвѣдчимося, стаеся вже вѣра злишною, а натомѣсть укрѣпляесь въ насъ пресвѣдченье. Вѣра есть свойствомъ духа не принадлежащимъ къ веществу, бо если послѣдное зничтожится, удержуе бытъ естества вѣра. Вѣра есть свойствомъ духа, тамъ где нѣтъ духа нѣтъ и вѣры, нѣтъ и суевѣрїя. Образованны которы завсѣгди доказателствами требуютъ пресвѣдченїя, якже суевѣрными могутъ быти, коли о фантастичныхъ утворахъ пресвѣдчитися не возможно? Чимъ просвѣщенѣйшїй народъ, тѣмъ менше въ нимъ суевѣрїя — тѣмъ слабша вѣра.

Поняввши изреченныи мысли, легко препаде намъ изъяснити собѣ увѣренность въ чаровницы, ворожбу, опыри, хованцы и проч.

Каждый простый народъ знае майже инстинктово, якъ великую силу заключае въ собѣ зѣлье, коренье и не безосновно. Появляются въ каждомъ простомъ народѣ знахари, знахарки, задивляючїи не разъ воистинно своими лѣками образованныхъ. Но якъ въ каждомъ такъ и въ томъ дѣлѣ кромъ благополезного и зло принятымъ и увѣреннымъ быти мусить. Тому кромъ честныхъ жертвующихъ ся службѣ страдающого человѣчества лѣкарей и лѣкарокъ, существуютъ вѣдьмы или чаровницы, злоупотребляющїи зѣля на отнятїе коровамъ молока и прочихъ пакостей. Очевидно, що суть межи громадою такїи невѣсты, которыи занимаются подобными чарами, а тѣмъ самымъ стаются причиною къ различнымъ вѣрованьямъ и небелицамъ.

Такъ якъ увѣренность въ чаровницы не есть безъ подлагаемой ей истины; отъ и ворожба по такой мѣрѣ должна полагати на якойсь принцѣ. Є то тѣмъ больше удивительне, що всѣ старинны народы имѣли свои ворожбиты, свои ворожки. Въ розвивающомся звѣздословїю у Халдейчиковъ Ассирїанъ и Вавилонянъ, заключенне было не лише богочестїе, но и слѣдовательно ворожба: тѣмъ больше, же влїянїю планетъ приписовано божественную силу. Ворожба изъ звѣздъ и по нынѣшнїй часъ удержуесь межи народомъ, тожь и якаясь принуждаючая мысль къ ней должна быти.

Человѣкъ не отдалившїйся отъ природы перейма́ючїй въ себе ей влїянїя, не може оправдати собѣ различїя межи своимъ бытомъ, а бытомъ сродниковъ своихъ. Онъ видитъ що тому такъ а оному инакше ведется, що тотъ счастливый, тамтой бѣдуе, а незнае чому и якъ тое приписати, тожь и легко при-

*

писве онъ такій или иный бытъ вліянію доброй или злой, счастливой или несчастливой планеты на человѣка, подъ которою онъ родится. Богато причиняеся до оувѣренія въ ворожбу прирожденна человѣкови цѣкавость знати будущность. Свѣдомо изъ письмъ намъ, якъ появлялись одушевленны пророки, та и теперь люди не трататъ оувѣренности въ нихъ. (П. с.)

ДОБРО ТОМУ, КОМУ БОГЪ КУМОМЪ.

Народная повѣсть изъ хорватского.

(продолженіе).

За хвилю жена по вторый разъ вскричала, а св. Петро сновь пробудившись промовилъ: Господе! Господе! недай бѣдной женѣ столько мучитись." — На тое Богъ опять велѣлъ: „Выйди Петре! на подворье, та поглянь по небѣ." Вышелъ св. Петро въ дворище и воззрѣлъ на небо; а небо такъ ясное было мовь рыбье око, наоколо звѣзды сіяли, а на самой серединѣ явились всѣ господарскіи снарады: плуги, бороны, мотыки, лопаты, косы, серпы, грабли, вила, цѣпы, ножи для подрѣзыванья винограда, бѣачки, кола и пр. Воротившись розповѣлъ Богу все, що видѣлъ, но Богъ опять возразилъ: „Еще нечасъ, щобъ жена родила."

И снова стало въ хатѣ тихо. — Но вскорѣ вскричала жена по третій разъ, и то во многомъ сильнѣйше якъ прежде. Св. Петро пробудившись сожалѣлъ надъ бѣдновь женою, котрая столько мучилась и возгласилъ:

„Господе! Господе! недозволь, щобъ тая бѣдняжка столько мучилась." На тое Богъ снова отвѣтилъ: „Выйди Петре! на подворье, та поглянь по небѣ." — Вышедши вонъ поглянулъ св. Петро на ясное небо, и оувидѣлъ оу самой серединѣ королевскую корону. Весело возвратился въ хатчину и росказалъ Богу все, що видѣлъ; на що Богъ проговорилъ: „Теперь отже часъ, щобъ жена родила." — тое изрекши жена породила мужеское дитя.

Завтрѣшного дня было въ хатчинѣ все на ногахъ; путники нашіи сбирались въ дальшую дорогу, а поблагодаривши доброму господарю пошли въ походъ. — Когда Богъ и св. Петро вже отошли, рекла жена своему мужу: „Слава Богу! що я сіи муки оуже перетерпѣла; но теперь оглядайся за кумомъ, которыйбы нашое дитя до кресту держалъ."

„Ей Богу! невѣдаю когобы за кума взяти?" — говорилъ Ѳома.

„Поспѣшай — отвѣтила жена журливо — можетбыти стрѣтишь еще оныхъ оубогихъ, которыи оу насъ ночовали; моли ихъ, щобъ вернулись, и нашой дитинѣ кумовали."

Ѳома поскочилъ и за часокъ догналъ своихъ путниковъ, объявляючи имъ свое желанье, которыи радо его послухали. Возвратившись съ Ѳомою къ хатѣ, и все свое въ ладъ поскладавши, отошли съ дитятемъ до церкви на св. крещеніе.

Священникъ взялъ дитя крестити; но когда молитвы надъ немъ отчитывалъ, то дѣлалъ тое такъ шкидко и непонятно, що Богъ самъ, который дитя на рукахъ держалъ и за кума вписатись далъ, Панотца про тое оупрекнулъ.

„Та що такъ молишься — говорилъ Богъ, — самъ себе не розумѣешь, що молишься; якжежь Богъ тебе срозумѣетъ?"

На тое розсердился Панотецъ и рекъ:

„Если ти неправо, то окрести си дитѧ самъ,“ — и отошелъ.

Тогда взѧлъ Богъ водꙋ, самъ окрестилъ своего покрестника и надалъ емꙋ имѧ Иванъ. Посемъ вернꙋлись домовь. Ѳома сердечно поблагодарилъ имъ за ихъ любовь, и когда Богъ и св. Петро въ дальшꙋю пꙋть оуже отправлѧлись, тогда открылись кто и чѣмъ сꙋть; а поблагословивши его и женꙋ и дитѧ, хатчинꙋ и подворье, порожнꙋю коморꙋ и пивницꙋ, — съ сердечнымъ словомъ: „Прощайте“ отошли.

Отъ той добы возвратилось счастье въ Ѳоминꙋ колыбꙋ. — Всѣ были крѣпки и здоровы, а Ѳома могъ си больше заслꙋжити. Итакъ мало помалꙋ совсѣмъ поправилъ си хатчинкꙋ, обгородилъ и обробилъ огородецъ, а немножко времени оуплынꙋло, тожь вже и наполнилась комора хлѣбомъ, а пивница виномъ. Малый же Иванюшка былъ истиннаѧ лѣпота, здоровъ розꙋмный, миленькїй и добрый ѧкъ дꙋша. И не диво, имѣлбо Бога за кꙋма!

II.

На сꙋпротивъ дороги стоѧлъ, ѧкъ выше сказано, королевскїй дворецъ. Король имѣлъ дочерь одиначкꙋ, котораѧ въ тѣхъ самыхъ рокахъ была, що и нашъ малый Ивась, и звалась Магдалина. Слꙋчайно, ѧкъ то обыкновенно бываетъ, спознались обои взаимно, а то тѣмъ легше; понеже матерь малой Магдалины недавно померла, отецъ же имѣлъ на головѣ важнѣйшїи дѣла, ѧкъ свою дочерь пазити. Итакъ слꙋчалось, що Магдалина часто переходѧ оулицꙋ въ Ѳоминꙋ колыбꙋ загощовала, щобъ съ Ивасенькомъ, своимъ ровесникомъ поигратисѧ. На обоистю лежало нѣсколько копицъ сѣна, и тꙋтка было мѣстце про ихъ забавꙋ. Межьтѣмъ привыкали дѣтата що разъ больше къ собѣ, такъ що наконецъ одно безъ дрꙋгого немогло быти; а Магдалина всегда, когда ино пришла, доносила своемꙋ Ивасеви то медовниковъ то розличныхъ колачиковъ, которыи отъ своего отца полꙋчала. Такъ дѣѧлось щодна а никто не возбранѧлъ имъ ихъ дѣтинячꙋ игрꙋ.

Одного же разꙋ слꙋчилось, що король скрозь оконце споглѧдалъ, та къ несчастью въ тотъ самъ часъ, коли дочка его къ своемꙋ дрꙋгꙋ отходила, щобъ по давномꙋ свычаю ѧкїй колачикъ принесши около стожковъ съ нимъ побавитисѧ. Оузрѣкши тое отецъ приклѝкалъ ею до покою, и почалъ выпытоватисѧ: кꙋда ходила и по що? Магдалина все розповѣла точно, ѧкъ и що есть, кꙋда ходитъ и по що. На тое розлютилсѧ дꙋже отецъ, а взѧвши прꙋтикъ до рꙋкъ оударилъ ею, притомъ выговорꙋючи ей, що съ такою дранкою и простакимъ дрꙋжески играетсѧ. И плачꙋ розꙋмѣетсѧ немало было, а Магдалина должна была обѣтовати отцꙋ; що больше оуже не пойдетъ черезъ оулицꙋ къономꙋ бѣднѧкови игратисѧ, що тѣмъ скорше допꙋстимъ, если на строгость и гордость отцевꙋю посмотримъ.

Однакъ Магдалина немогла своего Ивасенька пережалѣти, та всегда при первой лꙋчшой способности выкрадалась изъ хаты, и перескакивала черезъ оулицꙋ въ Ѳоминꙋ колыбꙋ. На несчастье по вторый разъ съочилъ ихъ отецъ ѧкъ игралисѧ. Оубогаѧ Магдалина опѧть должна была терпѣти, та строгїй заказъ отца слышати, щобъ больше вже ни ногою въ Ѳоминꙋ колыбꙋ не шагнꙋла. За малое времѧ сновь Магдалина до своего Ивасенка выкралась; знала ко дꙋже добро, що никто ею невидитъ, — и такъ выходѧ изъ домꙋ отошла къ сво-

емꙋ дрꙋгꙋ. Но отецъ и по третій разъ тое допазившій выбилъ дочкꙋ, вылаялъ и заперъ въ комнатѣ. Отъ теперь былъ емꙋ малый Ивась тернъ въ окꙋ, и жадалъ лишь якимбы способомъ нибꙋдь его позбытись; понеже вже направдꙋ началъ за свою Магдалинꙋ страхатись. Томꙋ велѣлъ Ивасевого отца прикликати и сталъ приговоривати; щобъ емꙋ сына своего отстꙋпилъ, що его въ слꙋжбꙋ прійметъ, та що добро емꙋ дѣятись бꙋдетъ и пр., но все тое было ложнымъ предлогомъ, — инакше бо король мыслилъ, именно хотѣлъ лишь хитромꙋдро его поспекатись. Однакожь Ѳома, комꙋ его одинакъ милѣйшій былъ отъ ока въ головѣ, неприставалъ нїякъ на королевскіи требованія.

Когда отже король оувидѣлъ, що по доброму неидетъ, то оупотребилъ насилія. Съ помочїю своихъ дворянъ похитивши хлопака всадилъ его до порожной бочки, далъ вънꙋтрь ея немножко харчꙋ; сподній же шпꙋнтъ бочки оставилъ отворенный. Потомъ велѣлъ, прежде еще преобѣтовавши, дочкꙋ свою тогда емꙋ за женꙋ отдати, если три змѣевыи пера принесетъ; бочкꙋ на рѣкꙋ отнести и низъ воды пꙋстити. Бочка же самая была такъ приряженна, що нїякъ немогла перевернꙋтись, а такъ былъ шпꙋнтъ всегда на сподѣ. Теперь то стало королю сердце на мѣстцѣ; все бо дꙋмалъ онъ, що хлопецъ если неꙋдакится, то отъ голода несомнѣнно загинетъ; — но кто Бога имѣетъ за кꙋма, тотъ не такъ легко пропадаетъ, якъ человѣкъ гадкꙋетъ си! Родители же Ивасевыи розꙋмѣется немогли королю нїякъ опиратись; та лишь хинкали и нарекали за своимъ золотомъ, за своимъ одинокимъ сынкомъ Ивасемъ. .(П. с)

КАРТАРЬ

образецъ изъ жита городского.

(продолженіе)

VII.

Пятьдесять-ренскихъ-на тꙋю картꙋ, ресто! ресто! кричалъ скрозь сонъ Корнилій и стогналъ и зойкалъ, якъ бы го страшенна горячка во вꙋнтрїю палила. Было то только и счастя для него, поколь еще спалъ, та не прійшолъ до совѣсти отчаянного своего розположенія: пробꙋдившомꙋся предстоялъ оужасный поавъ, болѣзнь, якꙋю лишь крѣпка заправленна грꙋдь поносити годна. И отъ роздалъся зловѣстный голосъ ратꙋшового часоказа, а несчастливый Корнилій пробꙋдился — отворилъ очи. Самохоть болѣлбысь позрѣвши на розстроенный видъ того молодца, на розчихранный волосъ, на розпꙋчливы гидкіи черты блѣдого лица, на несмѣлый сблꙋканный взоръ его ока. Стало емꙋ тоскно неспокойно и тяжко: на разѣ онъ самъ не зналъ якъ и що ся съ нимъ стало. Схопился, видѣлось емꙋ, що оужасны имѣлъ сновидѣнья, но потерши чело долоневь, жестокая по тотъ часъ память навела емꙋ все вчерашное произшествіе передъ очи.

— Ицентїй! скрикнꙋлъ онъ полъотчаяннымъ голосомъ; чи были вы тꙋтъ вчера, чи бачили що то дѣялось со мною? где Стꙋлскій? о Божежь мой Боже! пятьсотъ повѣренныхъ ренскихъ — где же честь имени моего? оумелосердѣтеся Ицентїй! дайте ми рады — рады! кричалъ онъ оударивши пястꙋкомъ о головꙋ, заломꙋючи отчаянно рꙋки.

Сꙋмный и зажꙋренный стоялъ оучтивый Ицентїй, вытрещалъ на панича очи, и самъ не зналъ що вповѣсти, якъ зарадити мае.

— Єй Ꙗцентій! Ꙗцентій! пѧтьсот повѣренных ренских; то гонтайство — лайдацтво! обманȣли и ободрали мѧ ошȣсти, позбавили мѧ чести и доброго имени, оумелосердѣтсѧ Ꙗцентій! посѣпючи сорочкȣ на собѣ заводил без прервы обогранный.

— Я Бог свѧтый с вами паничȣ! пек бѣдѣ та лихȣ, озвалсѧ спльовкнȣвши сторожь; оутихомиртись, що за лихій падонько попал вас?

— Обограли, обдерли мѧ вчера ошȣсты Ꙗцентій, майже плаксивым мовил голосом.

— О то лихо коли так сталосѧ; вчера приходили ꙗкїись жидиска, рȣды ꙗк рȣдыи мыши, допытовались чи вы истинно тȣт обытаете, но ꙗ — ꙗ справил их от так просто на асафатовȣ долинȣ, говорил оучтивый сторожь дȣмаючи тѣм панича розвеселити. Но Ꙗцентій и не понимал в ꙗких обстоѧтельствах паничь находилсѧ. Коли несчастливый Корнилій заводил так неȣглаемȣ еремадȣ, оказалсѧ в наночникȣ Стȣлскій.

— Антоній! ты водил есь мене повсюгды, ты был всюгды со мною и применѣ, скажи! где дѣлъесь тїи пѧтьсот повѣренны ренски? прискочивши до последноги мовил обманенный.

— Ха! ха! ха! се менѣ не полиха справка, мовил реготаючись с порȣгою картарь; от ꙗ тебе привѧзал на мотȣз и силомочь тѧгнȣл в кавїарню, силомочь, засадил до карт! тожь менѣ и не полихе дѣло. Божь не радил ꙗ: Корнилій поклади гроши чȣжїи в скринчинȣ, кто знае що приключитисѧ може, а прїйдесь що пожалȣешь, же не последовал есь моемȣ совѣтȣ, и так сѧ стало. Корнилій! божь не казал ꙗ: єй нехай там карты чорт возьме, напїем сѧ чаю, и пойдем до домȣ, но ты самохоть навварил собѣ хмелю. Казал бысь же ꙗ обограл тѧ? тожь бачил есь кто был банкиром; ꙗ — ꙗ сам програл парȣ ренских, говорил кидаючись картѧрь и с холодною кровїю почал прохажатисѧ по комнатѣ.

Корнилій слȣхал и не слȣхал, и звѣсивши головȣ стоѧл нѣмо ꙗк столп не промовлѧючи и слова.

З оукоса, полным недовѣренности глипом смотрѣл Ꙗцентій на Стȣлского, похитовал головою, и так весь сложилсѧ, ꙗк бы выразно желал собою сповѣти: невѣрь паничȣ томȣ лестȣнови, божь поганаѧ дȣша з очей емȣ вызирае.

По долгой хвилѣ молчанїѧ, напрасно ꙗкась гадка лискавкою прошибла дȣшȣ Корнилього, очи заискрились, оуста скривились горько, а в лице оударила мѧтежь жестоко пораженного чȣвства, що и без внȣтренного страханїѧ не подивилбысь сѧ на него.

— Га ты огидный шибеникȣ! скрикнȣл он посинѣвши от злости, и схвитал перепȣженного картѧрѧ за потылицȣ, стиснȣвши так крѣпко, що и он посивѣл; тожь ты так знаешь превосходно отограти ролю мантѧра, ошȣста? и потрѧс ним що ажь пȣлѧрес выпал из занѣдра, отворилсѧ, а из пȣлѧреса выпала сотка.

— Он сойшол из оума! скрикнȣл розлюченный картѧрь, и потиснȣвши кощавою рȣкою за рамѧ отчаѧнного молодца, освободил сѧ.

Корнилій отскочил, а збачивши на подлозѣ соткȣ, хотѣл ею поднѧти отзываючись:

— От сотка принадлежаща до 500 повѣренных ренских! безчестный лȣкавче!

— Стой бѣсноватый! ꙗ не такій вѣ-

троловъ, пꙋстый гꙋлака ꙗкъ ты; знаю ꙗ лꙋчше обойтиса съ повѣренными грошьми; оставъ мене кажꙋ! сеса сотка передана есть черезъ мои рꙋки, кричалъ злостно сꙋхорлавый картарь, а лице его перейминось гидкою отразою. (П. с.)

ѤКЪ И КОЛИ ОВОЩИ ОБРИВАТИ?

(докончеnье)

Теплыми сухими лѣтами, сохтовно больше нижь мокрыми, а доспѣлы больше нижь зелены, а понеже тотъ цукоръ есть найголовнѣйшою причиною долшого ихъ быту, про тое должны въ томъ часѣ сбиратись, въ которомъ найбольше цукру въ собѣ имѣютъ. Найвредлившимъ дѣломъ есть якіи будь овощи во времени или по долгой слотѣ обривати; треба ожидати нисколько дней погоды, щобы солнечныи лучи вогкость извлекли, а потомъ обрывати. При обриваню должно остеречи щобы ихъ прибачно здоймано, бо кожда на видъ невеличка зачертка (rys) улегкшае приступъ воздуха, а тѣмъ приспоряе и сгниль; по той принуцѣ майже необходимостію есть, обрывати всѣ овощи съ хвостиками, понеже при отдѣленію хвостика творится язва, вредяща долгому перехованю. Всѣ сливки съ всемъ доспѣлы сбираны быти должны, що по запаху можь познати.

Зимовы грушки и яблоко должны якъ найдолше на деревѣ оставати ся (въ горахъ до 1. октобра), понеже въ поздной осенѣ ростутъ, достигаютъ и доходятъ совершенной доброты своей. Оборваны ренеты передъ святымъ Михаиломъ корчатся скоро. Передъ сбыраньемъ треба снабдѣтись соотвѣтнымъ количествомъ кобель и кошелей, въ которыхъ овоши до овощискладу должны сноситись; нѣтъ бо погибнѣйшого якъ съ сиповати на купу, чимъ опрѣваютъ и горьчѣютъ. Отъ теперь до моего овощискладу.

Е то пространный деревяный будынокъ, снабденный хорошою пивницею, на горѣ переховиваю сливки и инны осенны овощи, а въ пивницѣ зимовы грушки и яблока. Цѣлый овощнисклaдъ имѣе лише одну комнату, съ двоякою подлогою т. е. изъ грубыхъ дылей на подвысшенію подъ которымъ даны суть люфта для приступу воздуха, а на тѣмъ находится сновь подлога изъ грубыхъ тертицъ; тутъ укладаеся маты подъ сливки. Отъ южной стороны имѣю 3 великіи окна съ широкими футрынами такъ, що кождое окно есть вразъ и шафою; межи тіи окна укладаю розличны овощи, которыи лучше достигати маютъ, или которыи на солнци сушатся. Въ пивницѣ складаю найлучшіи роды яблокъ и грушокъ на добре утисаныхъ доскахъ безъ подстилки. Горьшіи роды яблокъ переховою въ розличныхъ пакахъ отвертыхъ въ мсѣ или сѣнѣ, всегда въ 3 верствы укладаючи, которыи що чвертьрочія пересмотряю для отновленія звогкотнѣлой подстелки.

При конци однакъ должно менѣ спомнути, о чимъ изъ долгого досвѣдченя присвѣдчилъ емь ся, що суть лѣта (особенно если Серпень и Вересень сутъ посушны) въ которыхъ овощи несвычайно добре переховиваются; но часомъ, найчастѣйше если осень есть непогожа, то и при найщиршой волѣ, желанію и хотѣнію всѣляки заходы всуе, все на ничь сходытъ: якъ на злость псоются!!

С. К. П.....кій.

ХИНСКІИ УСТАВЫ.

* Въ хинскихъ уставахъ изречено за основу, що кождый недужный и калѣка мае право загальной помочи ожидати. Дабы основу тую вовести въ житье, снаряждены болницы и домы, въ которыхъ хоронятся калики. Устава тая такъ голоситъ: старыи и невѣсты подойшлого вѣка, которы повдовѣли, сироты и загаломъ всѣ тіи, которыи во недугахъ страдаютъ, а которымъ и необходимы потребы не маютъ чимъ оплатити, у которыхъ нѣтъ родичей и сродниковъ, же допомочи моглибы, будутъ поберали отъ мандариновъ намѣстци ихъ бытія поживленіе и удержанье въ снаряженыхъ домахъ на цѣль тую. Кождый мандаринъ сопротивляющій ся той уставѣ, буде наказанъ строго.

* Князь Луксембурскій, славутныйваждъ французскій, подабалъ изъ лица дуже гидко. Изъ нимъ казалось, кончалися побѣды и счастье Людвика XIV. Дерзкій тотъ воякъ на высокомъ степени, присвоилъ собѣ прилежность и великое довѣріе воиновъ. Ратное безпреривное счастье, здѣлало его неизтерпимымъ въ очахъ англійского короля Вилгелма, тожь наругалъ ся всегда изъ него и прозивалъ его межи прочими горбачемъ.

Тuпомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.